

Не до конца прикрытая дверь гостиной открылась, и вслед за Альдо вышел застывший, как деревянный столб, Эван.левой половиной мозга он думал: «Я вместе с Карлосом по-братски гулял по магазинам», правой: «Я вместе с архиепископом Альдо подслушивал чужие разговоры под дверь». Эти бурные мысли носились по его голове, к сожалению, не рождая никакой философской ценности, а лишь пытались высечь в мозге короткое замыкание.

К счастью, Гаэр и Альдо с редким взаимопониманием проигнорировали этого «испытанного судьбой» неудачника.

Альдо искренне сказал Галю:

— Спасибо, что присматривал за ним.

— Что вы, это мой долг, — ответил Гаэр, приглашая его сестру. — У нас ведь есть кровное родство, не так ли?

Альдо опустился на диван. Было видно, что и он не привык к слишком мягким подушкам и выглядел он ненамного лучше, чем Карлос, который в первый раз, сев на диван, попытался несколько раз подпрыгнуть. Гаэр подумал, что архиепископ словно нехотя опускает свою благородную задницу на лезвие ножа: его движения были скованные и осторожные, спина прямая, изящная, но с какой-то парализованной неподвижностью.

И всё же... будь то скованность или лёгкая поправка позы, он всё равно казался совершенно собранным и всё это было сделано так незаметно, что, если не присматриваться, можно было подумать, будто он сидит совершенно свободно.

Карлос, ты прирождённый деревенщина...

Поначалу и каменная статуя в саду, и сам Альдо казались Гаэру воплощением глубокой меланхолии и апатии. Он был равнодушен ко всему, упрямо охраняя свою крохотную «могилку», словно даже дыхание других людей для него было источником шума.

Однако сейчас, увидев его снова, Гаэр с удивлением заметил, что Альдо будто сбросил каменную оболочку и вышел из неё с живым, заново рождённым телом. Черты лица остались узнаваемыми, но между обликом и темпераментом была пропасть, словно перед ним стоял совсем другой человек.

Он был вежлив, но вовсе не мягок; говорил так, что даже тихий шёпот неизменно нёс в себе оттенок приказа, власти и безоговорочного лидерства. И при этом это нисколько не вызывало отторжения, напротив, воспринималось как нечто естественное.

...И это действительно было естественно: ведь то, что сумел сделать этот человек, не удавалось больше никому во всём мире, а его заслуги не смог бы повторить ни один другой.

Даже сидя в диване, явно привыкая к его мягкости, он всё равно излучал ауру того самого верховного главнокомандующего битвы против Чёрных плащей тысячелетней давности, что решал и карал без промедления, никогда не отступая.

Устроившись, Альдо мягким взглядом окинул лестничный пролёт дома Гаэра, и вдруг слегка улыбнулся:

— Майк - хороший мальчик. Он всегда напоминает мне Карла в детстве. Когда ученики шли вместе на занятия, все чинно спускались по ступеням, а он один любил выделяться и съезжал по перилам. Там, где он появлялся, всегда становилось весело. Его любили все.

— Личное обаяние, так? — уточнил Гаэр

Альдо прищурился, и в его взгляде мелькнула лёгкая ностальгия. Следующий миг он повернул голову и спросил:

— Я слышал, ты собираешься взять стажёра с собой в штат Сиррут?

— Да, туда, где живут мои родители, — ответил Гаэр. — О, если вы переживаете, что Карл...

— Нет, я за него не переживаю, — Альдо слегка улыбнулся. — Хотя он сам признаёт, что не любит подчиняться приказам, на деле всё не так уж плохо. Он просто привык действовать самостоятельно и не слишком приспособлен к командной работе. Но при этом он держит меру, и почти никогда не создаёт другим проблем. А если и выходит за рамки, то только после того, как сам оценит, что это не повлечёт последствий.

Гаэру стало немного «сладко-кисло» на душе. С точки зрения современного человека, эти двое вели себя до смешного неуклюже: каждый их обмен репликами намекал на абсолютное взаимопонимание и знание друг о друге, но отношения при этом были такие туманные, что голова кружилась. Если бы они были просто друзьями, они бы могли хоть подраться для разрядки... конечно, не как в прошлый раз в храме, всё-таки надо беречь имущество, а так – синяк тебе, выбитый зуб мне, и потом снова дружба. Если бы они были любовниками можно было бы сорваться куда-нибудь, хорошенько повалиться вместе, переспать и тем снять весь накал. Если всё получится – они останутся, если нет – могут просто расстаться.

В итоге Гаэр посмотрел на него и откровенно спросил:

— Простите за бестактность, но... что вы к нему чувствуете?

— Я люблю его, — без малейших колебаний ответил Альдо.

Не ожидав столь прямого признания, Гаэр на мгновение остолбенел и даже не знал, что сказать.

— До такой степени, что вы не можете себе вообразить, — тихо, отчётливо, по слогу произнёс Альдо. — До того дня, когда я окончательно перестану дышать и моя душа рассеется.

Даже Гаэр, который не был так падок на мелодрамы, как Карлос, почувствовал, что выражение лёгкой горько-сладкой улыбки на лице архиепископа выглядит до боли пронзительно.

Это... немного неловко.

Гаэр подумал и, понизив голос, неуверенно сказал:

— На самом деле, я думаю, Карлос очень сентиментальный человек. Думаю, он это почувствует

Альдо слабо скривил губы и прошептал:

— Спасибо.

— Нет-нет, я просто говорю очевидную вещь, — Гаэр вдруг увидел в его взгляде ту же надежду, что бывает у человека, хватяющегося за соломинку, и ощутил на себе тяжёлое давление. — Знаете, в наших книгах всегда передают истории о чувствах, которые переживают смерть и тянутся тысячи, даже миллионы лет. Звучит красиво, хотя все думают... э-э, ладно, я к тому, что, если посмотреть на то, что произошло с вами, то это ведь правда...

Чёрт, — подумал Гаэр, — я же не похож на консультанта по отношениям, что за чушь я несу?

Альдо медленно повернул голову к окну, глядя на пышную зелень снаружи, и, словно в трансе, произнес:

— Если он не захочет меня простить...

Остаток фразы утонул в тяжёлом вздохе, но её смысл давал волю воображению. Гаэр даже поймал себя на странной догадке: если Карлос по какой-то причине действительно не захочет «простить» этого человека, то для него вся жизнь потеряет вкус и станет хуже смерти... А вспомнив прежнее существование архиепископа Альдо, Гаэр решил, что, скорее всего, он не ошибается.

Поэтому не удержавшись, он выпалил:

— Э... если вдруг понадобится помощь, прошу, не стесняйтесь, просто скажите.

— На самом деле у меня действительно есть одна нескромная просьба, — повернулся к нему Альдо.

Гаэр моргнул, почувствовав вдруг, что, похоже, только что сам попался в ловушку. Но слово уже сказано, назад не возьмёшь

— Да, пожалуйста, говорите.

— Могу ли я пожить у тебя какое-то время? — искренне спросил Альдо. — Какая-нибудь гостевая комната, даже кладовка, не важно, я непривередлив. Главное, чтобы я мог... быть ближе к нему.

Вот уж действительно, он оставляет целый подземный дворец, чтобы перебраться в скромный домик на полугорном склоне в штате Сара, и просит всего лишь комнату или кладовку... Что тут ещё скажешь? — подумал Гаэр.

И потому просто кивнул:

— У меня есть несколько гостевых, если вас не смутит...

Альдо изобразил идеальную улыбку:

— Благодарю, я перееду завтра

Эй-эй, это ведь на самом деле просто ловушка, да?

Гаэр вдруг почувствовал себя немного виноватым перед Карлосом. Даже спустя долгое время после того, как архиепископ ушёл, его не покидало это странное ощущение... словно он только что продал собственного предка, которым так гордился.

Боже мой! Что вообще происходит? – мрачно подумал Гаэр. – Говорят, что в течение жизни уровень интеллекта человека может колебаться на восемь-двадцать пунктов. Наверное, этот ученик у меня настолько глупый, что мой собственный IQ в последнее время начал катиться под гору!

— Эван, — позвал Гаэр, — перед тем как мы отправимся в штат Сиррут, я хочу, чтобы ты закончил всю практическую работу, которую я тебе дал. Или ты хочешь дождаться, пока мы приедем туда, и получить личные наставления от инструктора Мегерта?

Эван в панике бежал. Но что тут поделаешь, господин Голладо? Всегда найдутся люди, которые вынуждены безвинно жертвовать собой ради чужих дел. Давай, дорогой, соберись и переживи это (прими мои соболезнования).

Карлос пока ещё не знал, что его уже аккуратно упаковали, назначили цену и готовы были продать. Он весело провёл целый день вместе с Лили и Майком, от души наигравшись, и в итоге подхватил ту же "болезнь", что и племянник Гаэра: синдром «одержимости вредной едой».

Забавные игрушки, радостные цвета, возможность есть пальцами, перепачкавшись жиром, где все правила хорошего тона за столом были брошены в прах, и всё это в окружении шумной толпы и под аромат свежего хлеба, мяса и мороженого, смешанных в пьянящий букет, что вызывало просто зверский аппетит.

Они поели в «Макдоналдсе», а потом, по настоянию Майка, сделали крюк и заехали в «KFC», где взяли с собой огромное семейное ведро. Единственная маленькая "шпионка" Лили уже давно была подкуплена плюшевой кошкой Hello Kitty, ростом почти с неё самой, и поклялась идти до конца вместе с этими глупыми мужчинами, которых она так презирала.

Когда они весело вернулись домой, Гаэр с Эваном, лишь коротко попрощавшись сразу куда-то убежали. Карлос решил, что маленький стажёр впервые едет в командировку и вместе с наставником серьёзно готовится к заданию, поэтому и не обратил внимания. Он и представить

не мог, что на самом деле эта парочка наставника и ученика попросту испытывали чувство вины и не могли сохранять честное лицо перед другом, который до сих пор ни о чём не подозревал.

Но в этот краткий миг покоя и радости только начиналась необычайно длинная ночь.

Карлос уложил спать Майка и Лили и серьёзно наставлял их, что есть в постели – это крайне невежливая и дурная привычка.

А потом сам, без малейших угрызений совести, потащил наверх куриную ножку и принялся её грызть. Эти чёртовы, несерьёзные взрослые всё время считали, что у них есть особое право быть строже к другим и мягче к себе. До чего же это было подло.

Посреди ночи Карлос, мирно лежавший в постели, внезапно проснулся. Многолетний опыт жизни в опасной среде выработал в нём молниеносную реакцию, и в долю секунды он успел лишь схватить с прикроватной тумбочки лежавшую там одежду и всегда находившийся при нём тяжёлый меч. О ботинках он даже не успел подумать, как в тот же миг его окружило возникшее из ниоткуда белое сияние.

Мгновение спустя свет рассеялся. В комнате осталась лишь тихо мерцающая настольная лампа у изголовья, постель всё ещё сохранял следы от лежавшего человека, возле подушки лежал комикс, взятый у Майка, а из-под него выглядывал уголок фантика от шоколадки, спрятанного под подушкой... и куриная косточка, обглоданная чище, чем у лисицы.

Однако самого человека уже не было. Он исчез, будто растворился в воздухе.

<http://bllate.org/book/14761/1317213>